

ству и народу. Они содействовали своим творчеством сохранению этнокультурного самосознания греков в трудную эпоху иноземного господства и не отступились от своих гуманистических идеалов.

Еще более явственными гуманистическими тенденциями было отмечено развитие поздневизантийской литературы. К сожалению, в данном томе отсутствует ее сколько-нибудь полный очерк: по недостатку места опущены такие ее жанры, как любовная лирика, церковная гимнография, эпистолография, риторика и т. п. Автор соответствующего раздела сосредоточил основное внимание на жанрах, близких к эпической поэзии и басенному эпосу, а главное, написанных на разговорном греческом языке.

Нельзя сказать, что такого рода литература (на разговорном языке) появилась только после 1204 г.: она существовала уже в XII в. И этот факт свидетельствует о внутренних причинах возникновения этого явления, об осознаваемой литераторами необходимости укреплять связи с народом, отвечать своим творчеством его запросам и интересам. Однако создание художественных произведений на разговорном языке как четкая, постоянная установка у части византийских писателей — явление, несомненно, новое, присущее именно поздневизантийской литературе. В потерпевшем крушение греческом мире в сущности только православие и живой язык как средство общения соотечественников оставались связующими факторами в жизни греков, лишившихся единой светской власти и единого церковного управления. В течение веков литературная элита, обращаясь к античным и эллинистическим образцам и подражая аттической речи, утверждала общечеловеческие ценности, но одновременно углубляла свой отрыв от родного народа: элита была двуязычной, народ моноязычным — {599} сочинения интеллектуалов ему, даже знавшему грамоту, оставались недоступны.

Степень приближения прежнего литературного языка к живому или живого к литературному была различной в разных произведениях, но в ряде жанров литературы XIII—XV вв. народный язык господствовал фактически безраздельно. На первом месте среди этих жанров был рыцарский роман, генетически связанный и по форме и по языку с любовно-приключенческими романами XII в., но именно в XIII—XIV вв. сформировавшийся окончательно как особый вид византийской литературы. Основная идея этого литературного жанра — прославление идеалов благородной любви и бескорыстной (порой жертвенной) дружбы.

Рыцарский роман соединяет в себе два потока приключенческо-волшебного жанра предшествующей литературы: от эллинистически-византийского любовного романа он заимствовал реалии сюжетной канвы, а от собственно средневекового фольклора сказочно-фантастическую топику. В новом жанре нет четкой грани между естественным и сверхъестественным, волшебное органически соединено с реалиями повседневного, порой сугубо приземленного быта. Образы античной мифологии — почти неизменные атрибуты повествования, но лишь как аллегории-персонификации чувств. Эстетика рыцарского романа соответствует нормам, принятым в ту эпоху (это — зеркальное отражение мира как идеальное, гармония чувств, помыслов, дел и реалий, свет и цвет как свойства красоты). Феодальная действительность легко просматривается во всей ткани повествования, причем действительность христианская, однако в рыцарских романах отсутствуют специальные пассажи, сюжеты, эпизоды, повествующие о религиозных чувствах героев, о вмешательстве христианского Бога и святых в ход дела. Роман утверждает, как правило, не собственно византийские, а общечеловеческие ценности. Греческие патриотические тенденции также отсутствуют или почти отсутствуют в рыцарских романах. В сказках и иных близких к роману произведениях («Ахиллеида») образов античных богов и героев бывает и больше, но они не имеют ничего общего, кроме имени, с теми, какими они предстают в мифологии и литературе античности. Этот факт лишний раз свидетельствует о глубоком разрыве между традициями античной и византийской народной культуры, но вместе с тем и о том, что память о далеком «великом прошлом» не совсем исчезла в народе и могла в благоприятной ситуации питать чувство греческого патриотизма.

Ноты пессимизма и тоски стали обычным эмоциональным фоном для многих сочинений литературы Византии последнего столетия ее существования. Причины этого крылись не только в неотвратимой османской угрозе, но и в нарастании внутренней социальной напряженности в византийском обществе, усилении противоречий между официально утверждаемыми идеалами государства, и церкви и действительностью. Наиболее остро политическая сатира воплотилась именно в народной литературе, в «зверином» басенном эпосе.

Естественно в связи с этим сказать о юридическом обеспечении в поздневизантийском обществе социальных и гражданских прав человека. В науке распространено мнение об упадке